

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1971. Том 2 С. 148 -150.

-- Неужели вам до сих пор не наскучило приставать ко мне с одним и тем же вопросом?.. А еще называете себя моим верным другом... Разве верные друзья бывают так нескромны, чтобы спрашивать у женщины, кого она в своей жизни любила? Что вы говорите? Ревность? Ай, ай, ай! Как не стыдно! Разве вы не помните нашего уговора, что после первого намека с вашей стороны на нежные чувства я отзываю послов и объявляю между нами войну?

А впрочем... возьмите щипцы и помешайте уголья в камине... Впрочем, если уж на то пошло, я расскажу вам трагикомическую историю моего первого увлечения. Только я заранее беру с вас слово не смеяться... Это было бы мне очень грустно. Начало истории очень романтично. Представьте себе великосветский бал, салон, залитый огнями, ряды декольтированных дам попеременно с расшитыми мундирами и безупречными фраками мужчин. И вот на эстраде, сплошь загороженной зеленью, высоко над морем человеческих голов появляется "он". Черные кудри падают на плечи, черные, бархатные, сверхъестественные глаза смотрят вперед с холодным величием, рука -- длинная, выхоленная, прекрасная рука артиста небрежно обтирает платком деку скрипки и потом также небрежно бросает этот платок на рояль. Тишина... робкие аккорды прелюдии... сердце замирает в каком-то сладком ужасе, когда первые звуки вторгаются в него с нежной настойчивостью. Нет больше ни сияющей залы, ни наставлений "maman", ни чопорных соседей, остаются только звуки и вдохновенные, то страстные, то горячие мрачным огнем, то ликующие глаза.

Дальше представьте себе наивную, только что начавшую выезжать девушку-институтку, с головой, набитой романтическим вздором, жадной необычайного и возвышенного... Одним словом, завязка для вас выяснилась. Не правда ли? Мой скрипач был *tres repandu* [широко известен - фр.] в высшем свете, который так жадно бросается на все новое, выдающееся и наделавшее шума. Ему давали прозвания "второго Паганини" и "второго Сарасате", его нарасхват приглашали на вечера, перед ним заискивали. Дамы находили в нем что-то демоническое.

Сойдя с эстрады, он держался в обществе безукоризненно-импонирующим образом. Сколько раз, глядя на его задумчивый и гордый профиль, я с мучительным любопытством думала о его интимной жизни, о людях, которые его окружают, о его многочисленных победах женских сердец. Я уже знала из книжек, что великие люди осуждены на вечное одиночество в шумном мире. И я мечтала... впрочем, мало ли о каких глупостях может мечтать взбалмошная девичья голова. Однажды я решилась написать ему письмо (конечно, с вымышленною подписью и с просьбой ответить в почтамт "до востребования"), дикое, восторженное письмо. Он ответил, и между нами завязалась переписка, из которой я еще раз убедилась в справедливости книжного афоризма. Мой артист глядел на жизнь с усталостью и презрением, не примиряясь с людской пошлостью, мелочностью, завистью и непониманием порывов творческой души. При этом он изливался в благодарностях чуткому женскому сердцу, оценившему его. Нечего и говорить, что это чуткое женское сердце принадлежало мне.

Летом переписка прекратилась, потому что мы уехали на дачу. Маман нарочно выбрала очень отдаленную от города местность. Она находила, что после утомительного зимнего сезона мне необходимо подкрепить свои силы свежим воздухом деревни. Впрочем, я думаю, тут имели значение и экономические интересы.

Нашим ежедневным гостем сделался кавалерийский генерал с прекрасным будущим, представительный и свежий сорокалетний холостяк. Он был очень занимателен и любезен; и я находила только, что его волосы и брови могли бы менее отливать фиолетовой краской.

Генерал возил мне цветы и конфеты. Маман не раз с очень прозрачной хитростью заводила разговор о том, какую хорошую он представляет партию для девушки с не особенно большим приданым. Когда же генерал в разговоре называл себя с раскатистым смехом стариком, она энергично и досадливо протестовала. Но мое сердце было переполнено демоническим артистом. "Если не он, то никто!" -- решила я с той бесповоротностью, которая составляет преимущество семнадцатилетних романтических героинь. И наверно, я осталась бы при своем решении, если бы не случилось маленького неприятного обстоятельства. Однажды мы возвращались домой, сделав прогулку по роще и напившись там молока: я, маман и наш генерал. Я отстала. Они не заметили этого, потому что были всецело заняты соображениями: в какой степени родства находилась кузина генерала с зятем маман.

Когда я проходила мимо маленькой, затонувшей в густой зелени акаций дачи, до слуха моего донесся знакомый, сразу взволновавший меня голос. Любопытство было так сильно, что я (хотя моя